

КИТАЙСКАЯ ДОКТРИНА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ЭПОХУ МАО ЦЗЭДУНА И ДЭН СЯОПИНА (1949–1992)

Толстых Владислав Леонидович

Доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения
Российской академии наук (Москва), ORCID: 0000-0001-5103-5324, e-mail: vlt73@mail.ru.

Китайская доктрина международного права сформировалась во второй половине XX в., во многом под влиянием советской доктрины. Многие из заимствованных идей были впоследствии переработаны и адаптированы к внешнеполитическим задачам КНР. В статье рассматривается история китайской доктрины с 1949 г. (основание КНР) по 1992 г. (победа сторонников реформ). В этот период Китай пережил несколько радикальных изменений как во внутренней, так и во внешней политике. Эти изменения, однако, почти не затронули правовую доктрину: работы, опубликованные в 80-х гг., менее радикальны, чем работы 50-х гг., но также делают акценты на суверенитете, согласовании воли, сосуществовании и т. д. После рассмотрения внутреннего и внешнего контекстов автор освещает развитие юридического образования и науки, марксистский подход как методологическую основу китайской доктрины, позиции китайской доктрины по отношению к отдельным проблемам международного права и, наконец, ее вклад в развитие международного права, как его видят сами китайские ученые. В заключении выделяются общие особенности китайской доктрины. К их числу относятся лояльность ученых по отношению к государству, отсутствие претензий на оригинальность, дефицит критики и публичной дискуссии, структурированность, неразвитость абстрактного мышления и юридического языка, узкая (китайская) перспектива и значительные внешние влияния. Многие из этих особенностей объясняются особым социальным статусом китайского ученого: китайская интеллигенция никогда не образовывала отдельного класса, но всегда входила в правящий класс; важной частью карьеры ученого была сдача экзамена на доступ к госслужбе; его главной целью являлось не установление истины, а поддержка правительства и забота о народе. В целом китайская доктрина международного права выглядит уникальным и интересным артефактом. С одной стороны, она воспроизводит многие западные идеи; с другой стороны, она содержит элементы конфуцианской морали, выражает синоцентричную концепцию миропорядка и обладает сходством с доктринами эпохи империи и периода Гоминьдана. Вопрос о перспективах ее развития и ее возможном влиянии на глобальный порядок остается открытым.

Ключевые слова: международное право, история государства и права, юридическое образование, государственность, источники международного права, неравноправные договоры

Для цитирования: Толстых В. Л. Китайская доктрина международного права в эпоху Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина (1949–1992) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 2. С. 5–30. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_2_5.

CHINESE DOCTRINE OF INTERNATIONAL LAW IN THE ERA OF MAO ZEDONG AND DENG XIAOPING (1949–1992)

Tolstykh Vladislav

Doctor of legal sciences, leading researcher, Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0001-5103-5324, e-mail: vlt73@mail.ru.

The Chinese doctrine of international law was formed in the second half of the XX century, largely under the influence of Soviet doctrine. Many of the borrowed ideas

were later modified and adapted to the PRC's foreign policy objectives. This article examines the history of Chinese doctrine from 1949 (the founding of the PRC) to 1992 (the victory of the reformists). During this period, China underwent several radical changes in both domestic and foreign policy. These changes, however, hardly affected legal doctrine: works published in the 1980^s are less radical than those published in the 1950^s, but also emphasise sovereignty, reconciliation of wills, coexistence, etc. After an examination of the internal and external contexts, the author describes development of legal education and science, Marxist approach as the methodological basis of Chinese doctrine, positions of Chinese doctrine in relation to particular problems of international law and, finally, its contribution to the development of international law as seen by Chinese scholars themselves. The conclusion highlights the general features of Chinese doctrine. These include loyalty of scholars to the state, lack of claims to originality, shortage of criticism and public debate, structuralisation of doctrine, underdevelopment of abstract thinking and legal language, narrow (Chinese) perspective and significant external influences. Many of these features are explained by the special social status of the Chinese scholar: Chinese intellectuals never formed a separate class, but were always part of the ruling class; an important part of a scholar's career was passing the civil service examination; his main goal was not to establish the truth, but to support the government and care for the people. Overall, the Chinese doctrine of international law appears to be a unique and interesting artefact. On the one hand, it reproduces many Western ideas; on the other hand, it contains elements of Confucian morality, expresses a Sinocentric conception of the world order, and has similarities with the doctrines of the imperial and Kuomintang periods. The question of its prospects for development and its possible influence on the global order remains open.

Key words: international law, history of state and law, legal education, statehood, sources of international law, unequal treaties

For citation: Tolstykh V. (2025) Chinese doctrine of international law in the era of Mao Zedong and Deng Xiaoping (1949–1992). In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 5–30, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_2_5.

Введение

Китайская доктрина международного права представляет интерес по нескольким причинам. Первая из них – «поворот на восток». Международно-правовые подходы Китая необходимо знать не только для того, чтобы с ним сотрудничать, но и чтобы с ним конкурировать – в тех регионах, где его влияние усиливается, прежде всего в Центральной Азии. Вторая причина – генетическая связь: в основу китайской доктрины легли многие идеи, сформулированные советскими учеными. Помимо этого обе доктрины развивались похожим образом, пройдя период свободной дискуссии (в СССР – 20-е гг., в КНР – 50-е гг.), период монополии крайне левой идеологии (в СССР – 30–40-е гг., в КНР – 60–70-е гг.) и период «разрядки» (в СССР – 60–70-е гг., в КНР – 80-е гг.). Дальше, однако, их пути разошлись: российская доктрина, отказавшись от советского наследия, так и не смогла сформулировать новую повестку, в то время как китайская доктрина сохраняет свою идеологическую основу и пытается адаптироваться к новым задачам. Третья причина – культурологическая. Современная китайская доктрина содержит элементы конфуцианской морали, выражает синологическую концепцию миропорядка и обладает сходством с доктринами эпохи империи и периода Гоминьдана. В отличие от космополитической советской доктрины она является национально ориентированной (китайские ученые прямо говорят о приоритете национальных интересов), но при этом претендует на универсальность. Четвертая причина – методологическая. В последние годы появилось несколько крупных работ, показывающих своеобразие международно-правовых практик в постколониальных регионах¹. К сожалению, эта проблема, как и сравнительное международное право в целом, не вызывает интереса у российских ученых.

¹ *Anghie A.* The Evolution of International Law: Colonial and Postcolonial Realities // *Third World Quarterly*. 2006. Vol. 27. No. 5. P. 739–753; *Chesterman S.* Asia's Ambivalence about International Law and Institutions: Past, Present and Futures // *European Journal of International Law*. 2017. Vol. 27. No. 4. P. 945–978.

В статье рассматривается история китайской доктрины международного права с 1949 г. (основание КНР) по 1992 г. (победа сторонников реформ). В этот период Китай пережил несколько радикальных изменений – как во внутренней, так и во внешней политике. Эти изменения, однако, почти не затронули правовую доктрину: работы, опубликованные в 80-х гг., менее радикальны, чем работы 50-х гг., но также делают акценты на суверенитете, согласовании воли, сосуществовании и т. д.

1. Внутриполитический контекст

Дж. Фэрбэнк выделяет следующие периоды в истории Китая после 1949 г.: с октября 1949 г. по конец 1957 г. – период восстановления; 1958–1960 гг. – «Большой скачок»; 1961–1965 гг. – экономический подъем; 1966–1976 гг. – «культурная революция» («десять потерянных лет»); после 1976 г. – постепенная либерализация; 1978–1992 гг. – эпоха Дэн Сяопина («политика реформ и открытости»)¹.

В первый период был проведен ряд реформ: финансовая (установление контроля над банками, привязка зарплаты к товарному эквиваленту), земельная (распределение земли между крестьянами и коллективизация), частичная индустриализация, административная (борьба с коррупцией и бюрократией), уголовно-исполнительная (создание трудовых лагерей), реформа мышления (перевоспитание интеллигенции), университетская (централизация и развитие технического образования) и конституционная². Ряд мер был направлен на утверждение суверенитета. В 1950–1952 гг. Китай ввел новые тарифы и создал независимую таможенную службу, установил правила досмотра иностранных судов, создал агентство по управлению портами, сократил число предприятий с иностранными инвестициями с 1192 до 563; запретил иностранцам сделки с землей; конфисковал собственность иностранных правительств; взял под контроль иностранные школы, университеты и больницы³. В 50-е гг., используя лозунг «освобождения», он постепенно ограничил автономию Синьцзяна, Внутренней Монголии и Тибета. В 1956 г. Мао Цзэдун объявил кампанию «Пусть расцветают сто цветов», но после ее выхода из-под контроля была развернута антиправая кампания⁴.

В 1958 г. VIII съезд КПК объявил «курс трех красных знамен» («Большой скачок»), призванный решить проблему стагнации экономики и безработицы и включавший ускоренную коллективизацию, мелиорацию, индустриализацию и др. Данная кампания проводилась военными методами («борьба за сталь», «борьба с четырьмя вредителями»), на антинаучной основе (например, были попытки увеличить урожайность путем более плотной посадки и глубокой вспашки) и предполагала соревнования между коллективами и регионами. Результатами стали экономический спад (выплавляемый в малых печах чугун был низкого качества, перерасход угля приводил к остановке фабрик, уничтожение воробьев способствовало размножению насекомых) и Великий голод 1959–1961 гг., унесший жизни 20–30 млн человек.

В 1961 г. «Большой скачок» был остановлен; Лю Шаоци (Председатель КНР) и Дэн Сяопин (генсек ЦК КПК) попытались исправить ситуацию, но в 1966 г. Пленум ЦК объявил о начале «культурной революции», направленной на «преобразование всех областей надстройки, не соответствующих социалистическому базису». В рамках революции были проведены мероприятия по уничтожению оппонентов Мао («Огонь по штабам»), «борьбе с четырьмя пережитками» (старым мышлением, культурой, привычками и обычаями), развитию села («Ввысь в горы, вниз в села») и др. Хунвейбины (студенты и школьники) и цзаофани (молодые рабочие) пытались и убивали представителей интеллигенции, разрушали храмы, сжигали древние книги, нападали на иностранные посольства. В определенный момент страна оказалась в состоянии, близком к гражданской войне (фракции хунвейбинов сражались друг с другом и нападали на армейские подразделения). В итоге Мао был вынужден прибегнуть к помо-

¹ Fairbank J. K., Goldman M. China: a New History. Harvard: Belknap Press, 2006. P. 343.

² В соответствии с Конституцией 1954 г. система управления включала Народный политический консультативный совет, Всекитайский совет народных представителей, Председателя КНР, Административный совет (правительство) и Центральную военную комиссию; параллельно системе государственных органов существовала структура КПК во главе с Постоянным комитетом Политбюро ЦК.

³ Carrai M. A. Sovereignty in China. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 156–157.

⁴ По мнению Дж. Фэрбэнка, движущей силой кампании было желание молодых и необразованных партийных кадров отстранить от дел старую бюрократию и интеллигенцию; апелляция к народу стала характерной чертой внутренней политики Китая при Мао (Fairbank J. K., Goldman M. Op. cit. P. 366–367).

щи армии, влияние которой резко усилилось. Официально революция закончилась в 1969 г., но многие мероприятия продолжались до смерти Мао в 1976 г. В экономическом плане страна деградировала; огромные ресурсы были вложены в создание «Третьего фронта» (военное и промышленное развитие внутренних регионов с целью отражения возможной советской или американской агрессии).

В конце 70-х гг. управление постепенно перешло в руки премьер-министра Чжоу Эньлая, который вернул Дэн Сяопина во власть. После смерти Чжоу и Мао в 1976 г. Дэн постепенно стал лидером Китая, не занимая при этом никаких высших постов, кроме должности председателя Центрального военного совета ЦК КПК. В 1979 г. он выдвинул идею «четырех модернизаций» (промышленности, сельского хозяйства, обороны и науки и техники), которые должны были проходить под руководством КПК и определять содержание социализма с китайской спецификой. Эта идея легла в основу «политики реформ и открытости» (ликвидация коммун, отмена госзакупок, привлечение инвестиций и т. п.), принесшей положительные результаты, главным из которых стала ликвидация бедности.

В апреле 1989 г. в Пекине прошли выступления в поддержку демократизации; их центром стала площадь Тяньаньмэнь. 3 июня демонстранты были разогнаны войсками, а поддержавший их генсек КПК Чжао Цзыян был заменен Цзян Цзэмином (против Цзыяна выступили Дэн и премьер-министр Ли Пэн). Цзян сформулировал доктрину «трех представительств» (производительных сил, китайской культуры и китайского населения), означавшую переход КПК на широкую социальную платформу. В 1992 г. Дэн совершил поездку по югу страны, в ходе которой выступил с речами в поддержку реформ. Эта поездка ознаменовала окончательную победу его курса¹.

2. Международный контекст

После 1949 г. место Китая в ООН занимало правительство Гоминьдана, эвакуировавшееся на Тайвань. К числу немногих союзников КНР относились СССР и КНДР. СССР добивался для КНР членства в ООН, бойкотируя заседания Совета Безопасности. В 1950 г. был подписан Советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, на основании которого СССР оказал Китаю техническую помощь и передал Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). В этом же году КНР вмешалась в Корейскую войну, опасаясь, что она станет прелюдией для вторжения США в Китай; в Корею были направлены несколько дивизий «народных добровольцев». Война закончилась восстановлением границы по 38-й параллели. В 1961 г. КНР и КНДР подписали Договор о сотрудничестве и дружбе, закрепивший обязательство военной помощи.

В начале 60-х гг. Китай урегулировал пограничные споры с Бирмой, Непалом, Монголией, Пакистаном, Афганистаном и КНДР. Граница с Индией, однако, оставалась спорной. В 50-х гг. Китай построил дорогу, соединившую Синьцзян с Тибетом и проходившую через спорную территорию (Аксайчин); в это же время Индия стала перемещать свои пограничные посты дальше на север, отклоняя предложения Китая об урегулировании. В 1962 г. китайские силы перешли в наступление и выдворили индийцев из Аксайчина (китайские авторы считают, что речь шла о самообороне)². В настоящее время стороны придерживаются установившейся «линии фактического контроля».

После смерти Сталина СССР передал Китаю доли в совместных предприятиях и вывел свои части из Порт-Артура (1954–1955). Курс СССР на мирное сосуществование и критика Сталина на XX съезде КПСС, однако, были оценены Мао как ревизионизм. Другими причинами ухудшения отношений стали отказ СССР передать Китаю ядер-

¹ «Период между окончанием „культурной революции“ и южным турне Дэна в 1992 году характеризовался прагматичными институциональными экспериментами, неопределенностью политики и острыми политическими дебатами. В то время как одна фракция правящей элиты выступала за политические реформы, которые позволили бы создать более либеральное и демократическое государство, относительно отделенное от КПК, консервативная фракция решительно выступала против „разведывающего влияния буржуазных идей“... Южное турне Дэна в 1992 году решительно изменило баланс фракций в пользу реформаторов» (*Ji Li. The Evolving Rule of Law with Chinese Characteristics and Its Impacts on the International Legal Order // UC Irvine Journal of International, Transnational and Comparative Law. 2023. No. 8. P. 154*).

² Чжун Ж. Индо-Китайская война 1962 г. и послевоенное урегулирование // Национальная безопасность. 2014. № 5. С. 739–759; Толмачев Ю. О. Китайско-индийский пограничный конфликт в 1962 году // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2016. № 2. С. 72–81.

ные технологии, поставка им оружия Индии, отказ Китая разместить на своей территории советскую военную радиостанцию, монгольский вопрос и др. Полемика приобрела открытые формы, и в 60-х гг. Пекин стал называть СССР «врагом № 1»¹. В 1960 г. СССР отозвал из КНР 1,5 тыс. специалистов и прекратил поставки. В январе 1967 г. произошел инцидент с китайскими студентами на Красной площади, после чего китайские активисты взяли в осаду посольство СССР в Пекине, сотрудники которого были вынуждены эвакуироваться. Отношения Китая с европейскими социалистическими странами также испортились.

Кульминацией конфликта стал инцидент на острове Даманский. Пекинский трактат 1860 г. закрепил прохождение границы по «течению» рек, но не определил принадлежность островов, большинство из которых контролировалось СССР. Китай, однако, ссылаясь на обычай, согласно которому граница должна следовать средней линии или тальвегу. В марте 1969 г. китайские части напали на советский патруль и закрепились на Даманском, но позднее были вытеснены со своих позиций. Осенью СССР и Китай договорились о нормализации отношений и провели переговоры о границе²; в это же время Китай установил контроль над островом³. Отношения между СССР и Китаем улучшились только после смерти Мао; Соглашение о советско-китайской границе в ее восточной части 1991 г. официально признало принадлежность Даманского Китая.

Претензии КНР к внешней политике СССР состояли в следующем. Во-первых, СССР проводит империалистическую политику: защищает приобретения царской России, вмешивается во внутренние дела других государств (расчленение Пакистана, интервенция в Анголу, агрессия в Афганистане) и пытается контролировать развивающиеся государства. Во-вторых, он считает мирное сосуществование главной целью международного права, однако предпосылкой мира является борьба против империализма. В-третьих, он противодействует прогрессивному развитию международного права, например сформулировал теории «ограниченного суверенитета» и «социалистического содружества», оправдывающие вмешательство, и отрицает универсальный характер *Пяти принципов* (по его мнению, они применимы только к отношениям между странами с разными социальными системами и не допустимы в отношениях между социалистическими государствами)⁴.

В 1970-х гг. США и КНР, имевшие общего противника в лице СССР, нормализовали отношения и подписали три совместных коммюнике (1972, 1978, 1982). 25 октября 1971 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию 2758 (XXVI), в которой постановила «восстановить КНР во всех ее правах и признать представителей ее правительства единственными законными представителями Китая в ООН, а также немедленно лишить представителей Чан Кайши места, которое они незаконно занимают в ООН и во всех связанных с нею учреждениях» (за – 76 государств; против – 35; воздержались – 17). После этого КНР была признана рядом западных стран, включая США.

В 1975 г. в Камбодже был установлен режим Пол Пота, поддерживаемый КНР и вступивший в конфликт с Вьетнамом. В 1978 г. Вьетнам, опирающийся на СССР, ввел в Камбоджу войска, сверг Пол Пота и предъявил претензии на Тонкинский залив и острова Южно-Китайского моря. В 1979 г. Китай, обеспокоенный усилением СССР, вторгся во Вьетнам; официальными целями были поддержка Пол Пота, защита китайского меньшинства и освобождение островов, оккупированных Вьетнамом. Захватив приграничные районы, но понеся при этом тяжелые потери, он объявил о выводе

¹ Кудашев Р. Ш. Записки переводчика СССР и КНР // Вопросы истории. 2002. № 12; Галенович Ю. М. Россия в «китайском зеркале». Трактровка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений. М.: Восточная книга, 2011. С. 165–167, 175.

² Переговоры закончились безрезультатно. Советская делегация предлагала обсудить вопрос о прохождении линии границы с целью ее уточнения на отдельных участках и заключить новый договор о границе. Но китайская сторона заявила о неравноправном характере русско-китайских договоров о границе и потребовала признать наличие «спорных районов» на советской территории и вывести оттуда советские войска. См.: История дипломатии / под ред. А. А. Громыко: в 5 т. Т. 5. Кн. 2. М.: ИПЛ, 1979. С. 427–428.

³ Некоторые авторы считают, что Мао развязал этот конфликт, стремясь отвлечь внимание населения от проблем, вызванных «культурной революцией» (Goldstein L. J. Return to Zhenbao Island: Who Started Shooting and Why it Matters // China Quarterly. 2001. No. 168. P. 997).

⁴ Yuan P. C. China's Challenge to Traditional International Law: An Exposition and Analysis of Chinese Views and Behaviour in International Law and Politics // Dalhousie Law Journal. 1987. Vol. 10. No. 3. P. 21–22, 25–28.

войск. СССР воздержался от прямого участия в конфликте. В этом же году Китай денонсировал Договор о дружбе с СССР 1950 г.

В целом внешняя политика КНР в период Мао преследовала несколько главных целей: предотвращение возможного вторжения США и СССР, завоевание лидерства в социалистическом лагере и среди стран третьего мира, восстановление территориальной целостности (Тибет, Тайвань, Гонконг и др.), решение пограничных споров, отмена оставшихся неравноправных договоров, получение международного признания и членства в ООН. Ее идеологическая основа была неоднородной и в разное время включала постулаты о классовой борьбе и мирном сосуществовании; уважении суверенитета и мировой революции; дружбе с СССР и предательстве последним дела марксизма-ленинизма.

По мнению Д. Хоффхеймера, в китайской практике международного права после 1949 г. отчетливо прослеживаются несколько сюжетов. Первый из них – национализм; отсюда – жесткое отношение к проблеме Тайваня; стремление к свободному ведению переговоров; требование равенства в организациях. Второй – неявная вера в политику силы: фраза Мао «винтовка рождает власть» означает осознание того, что политическая и правовая власть опирается на физическую силу. Третий – морализаторское отношение, отражающее традиционное сознание и предрасположенность к ортодоксальности. Четвертый – прагматизм, диалектическая способность превращать слабость в силу. Несмотря на недоверие Китая к западным идеалам, он стал ревностным приверженцем некоторых положений западного права¹.

3. Развитие юридического образования и доктрины международного права²

КНР заимствовала советскую модель юридического образования и ряд научных концепций. В начале 1950-х гг. советские ученые приезжали в Китай для преподавания, а китайские студенты направлялись в СССР для изучения права. На китайский язык были переведены работы Ф. И. Кожевникова, С. Б. Крылова и А. Н. Николаева. Позднее эти контакты сошли на нет, но концептуальное влияние советской доктрины сохранилось. В 1956 г. был создан Институт международных отношений в Пекине, в 1960 г. – аналогичный институт в Шанхае, а в 1959 г. – рабочая группа по международному праву Института права. Вопросами международного права также занималась Китайская ассоциация политологии и права. Статьи по международному праву публиковались в «Исследованиях в сфере политологии и права», «Журнале международных исследований», «Правовых исследованиях» и др., а сам этот предмет преподавался на всех юридических факультетах.

В ходе кампании «Пусть расцветают сто цветов» некоторые юристы призвали к частичному заимствованию западных концепций независимости суда, равенства перед законом и пр., но после ее свертывания они были осуждены как правые уклонисты. «Культурная революция» привела к почти полному уничтожению правовой науки и образования. В период с 1966 по 1976 г. не было принято практически ни одного закона, Министерство юстиции не функционировало, юридические факультеты были закрыты, а юридические исследования прекращены.

Процесс возрождения начался только после смерти Мао, в рамках программы «четырёх модернизаций». Юридические факультеты были открыты; журналы вновь стали издаваться. 30 марта 1979 г. *People's Daily* опубликовала статью «Необходимо усилить изучение международного права», написанную Ван Тейей (Wang Tieya) и Вэй Минем (Wei Min), призывавшую восстановить исследовательские институты в данной сфере, создать профессиональное общество, усилить преподавание и составить план исследований. В 1979 г. в Пекинском университете была открыта первая кафедра международного права; его примеру последовали Гиринский и Уханьский университеты (Пекинский университет специализировался на международном публичном праве,

¹ Hoffheimer D. J. China and the International Legal Order: An Historical Introduction // *Case Western Reserve Journal of International Law*. 1979. Vol. 11. P. 251–266.

² Ji Li. Op. cit. 153–155; Chen Tiqiang. The People's Republic of China and Public International Law // *Dalhousie Law Journal*. 1984. Vol. 8. No. 1. P. 8–21; Hungdah Chiu. Chinese Attitudes toward International Law in the Post-Mao Era, 1978–1987 // *International Lawyer*. 1987. Vol. 21. No. 4. P. 1159–1163; Zewei Yang. The People's Republic of China and the Development of Contemporary International Law: Review and Prospects // *Journal of East Asia and International Law*. 2020. Vol. 13. No. 2. P. 337–341.

Уханьский – на торговом праве, а Гиринский – на МЧП). В 1980 г. было создано Китайское общество международного права, которое с 1982 г. стало издавать Китайский ежегодник международного права¹.

Наиболее важными научными трудами периода Мао были следующие: двухтомный учебник по международному праву Чжоу Гэншэна (Zhou Gengsheng)² и монографии «Договоры и соглашения о международной торговле» (Wang Yao Tien, 1958); «Проблемы, касающиеся территориального моря Китая» (Fu Zhu, 1959); «Тенденции современной международно-правовой науки в Великобритании и США» (Чжоу Гэншэн, 1963); «Юрисдикция судов в международном праве» (Nee Zheng Yu, 1964); «Право территориального моря» (Liu Ze Rung, 1965).

Кроме того, вышло довольно много статей. Их основные темы – критика буржуазных подходов; проблемы, затрагивающие КНР (Пять принципов, Тайвань и Тибет, статус китайских добровольцев, территориальные споры с Индией и Вьетнамом); освободительная борьба в других странах (Камбоджа, Египет, Ливан, Иордания и др.); проблемы общего права (определение агрессии, самооборона, морское право, космическое право, статус Берлина и др.). Названия некоторых статей довольно красноречивы: «Подлинное лицо буржуазного международного права» (Ying Tao, 1960), «Лишить агрессоров их правовой маскировки», «Абсурдная резолюция ООН» (Mei Ru Ao, 1955), «Опровержение абсурдных аргументов, касающихся статуса Тайваня», «Опровержение одностороннего индийского аргумента, касающегося китайско-индийской границы», «Незаконность вмешательства ООН в тибетский вопрос» (Чжоу Гэншэн, 1955, 1959).

По свидетельству Чэнь Тицяна, китайские исследования часто слепо следовали советской доктрине, чье понимание марксизма-ленинизма было односторонним, и вслед за ней смешивали международное право с политическими лозунгами; вместе с тем была установлена связь между марксизмом-ленинизмом и международным правом, разработана критика империализма и советских взглядов. На самом деле ситуация выглядит более сложной. Во-первых, советская доктрина, конечно, оказала влияние на китайскую, в том числе в части лозунгов, но к 60-м и тем более 70-м гг. она уже приобрела *догматический* характер: правовые аргументы преобладали над лозунгами и экскурсами в марксизм (см., например, работу Г. И. Тункина «Теория международного права», 1970 г.). В китайской же доктрине этого периода имела место обратная ситуация. Во-вторых, советский подход к международному праву был более профессиональным: некоторые работы отличались большой оригинальностью (например, Е. Б. Пашуканиса); на русский язык были переведены труды Л. Оппенгейма, Ч. Хайда, А. Фердросса и Я. Броунли (на китайский – только труд Оппенгейма); советские авторы анализировали более широкий круг вопросов.

В 1980-х гг. вышли учебники Чжоу Гэншэна (1981 – второе издание), Ван Тейи и Вэй Миня (1981), Лю Фэнмина (Liu Fengming, 1982), Чжу Лисуня (Zhu Lisun, 1985), Лу Инхуэйя (Lu Yinghui, 1984) и Вэй Миня (1986). Был также издан ряд монографий: «Сравнительное исследование вопроса о гражданстве» (Li Naopei, 1979); «Введение в право гражданства» (Jing Qiu, Li Zepai, 1981); «Новые тенденции в морском праве» (Zhao Lihai, 1981) и «Вопрос о внесении поправок в Устав ООН» (Zhao Lihai, 1982); «Международное торговое право» (Shen Damin, Feng Tatong, Zhao Hongxun, 1982); «Краткое введение

¹ Во время проведения учредительного собрания Общества вице-президент Китайской академии социальных наук Хуань Сян предложил китайским международникам «освободить свой разум, полностью выложиться для свободного участия в обсуждении теоретических проблем, которые были недоступны в течение почти тридцати лет, и высказывать свои взгляды без ограничений», но при этом «глубоко критиковать преобладающую левацкую идеологию, такую как нигилизм и аболиционизм, чтобы избавиться от духовного рабства», учитывать, что «марксизм, ленинизм и идеи Мао Цзэдуна по-прежнему являются нашими проводниками в исследовании международного права и мы будем стремиться создавать свод международного права с отчетливыми китайскими характеристиками». Представитель МИД Китая Шао Тянь Жэнь также посетовал на господство «левой линии», результатом чего стало низкое качество исследований, и призывал наверстать упущенное, основываясь на теориях марксизма-ленинизма и идеях Мао; необходимо изучать вещи, чуждые китайской культуре, чтобы служить Китаю, не становясь при этом «пленниками» иностранцев; необходимо создать атмосферу свободного обсуждения и «позволить сотне школ мысли соревноваться» (Yuan P. C. Op. cit. P. 28–31).

² Подробный обзор этого учебника см.: Fry J. D., Huang Yining. The Semisecret Life of Late Mao-Era International Law Scholarship // Pace Law Review. 2019. Vol. 39. No. 2. P. 1005–1006.

в новые области международного права» (Sheng Yu, Wei Jiajui, 1984); «Некоторые правовые вопросы международного экономического и технического сотрудничества» (Liu Ding, 1983) и «Международное экономическое право» (Liu Ding, 1984); «Современные международные организации» (Liang Xi, 1984); «Введение в международное трудовое право» (Liu Yumian, 1985); «Международное налоговое право» (Liu Longheng, 1985); «Собрание эссе по международному праву» (Chen Tiqiang, 1985); «Введение в международное валютное право» (Shen Yu, 1985); «Международное инвестиционное право» (Yao Meizhen, 1985); «Вопрос о судебной юрисдикции в международном праве» (Ni Zhengyu, 1985); «Морское право» (Zhou Ziya, Yang Zhixiong, 1985); «Международное уголовное право и международные преступления» (Li Yaping, 1986).

Лидерами китайской доктрины второй половины XX в. были Чжоу Гэншэн («старейшина международного права», 1889–1971), Ван Тейя (1913–2003), Ли Хаопэй (Li Haopei, 1906–1997) и Чэнь Тицян (Chen Tiqiang, 1917–1983). Все они начали профессиональную деятельность еще в период правления Гоминьдана, но не эвакуировались вместе с ним на Тайвань. Тем не менее до перехода на службу новому правительству они не были коммунистами – даже Чжоу Гэншэн, бывший личным другом Чжоу Эньлая, был сторонником Гоминьдана и вступил в КПК лишь в 1956 г. Все эти ученые получили образование в престижных иностранных университетах (Чжоу – в Японии, Эдинбурге и Париже; Ван и Ли – в Лондонской школе экономики; Чэнь – в Оксфорде) и испытали влияние западной доктрины и либеральных идей; не случайно Ван и Чэнь были подвергнуты преследованиям в ходе антиправой кампании (Ван был отправлен в исправительный лагерь). Большую часть жизни они работали в крупных университетах, часто совмещая преподавание с госслужбой; помимо пекинских университетов, Чжоу, Ван и Ли работали в Уханьском университете – одном из центров китайской науки международного права. Интересен тот факт, что все они – выходцы из прибрежных, наиболее открытых внешнему миру районов Китая: Чжоу – из провинции Хунань, Ван и Чэнь – из Фуцзяня, Ли – из Шанхая.

4. Марксистский подход¹

Китайские ученые рассматривали марксизм-ленинизм как идеологическую основу правовой теории, делая акцент на классовом подходе и пролетарском интернационализме. По их мнению, право отражает *волю правящего класса*, но в отличие от государства, в котором существует лишь один правящий класс, на международной арене существует множество государств, правящих классов и их воля. В связи с этим любая норма международного права, претендующая на жизнеспособность, должна соответствовать классовым интересам правящих классов тех государств, которые продвигают эту норму и используют имеющуюся в их распоряжении власть, чтобы сделать ее эффективной. Не существует неизменных, идеальных или естественных норм международного права. Правящий класс каждого государства имеет свою программу и старается сделать ее реальностью. Для достижения этой цели государства борются и сотрудничают друг с другом, а также создают и применяют международное право. При этом существуют некоторые основные принципы, которые большинство государств поддерживают по тем или иным причинам. Эти принципы определяют содержание менее важных норм. Поскольку ни одно государство не достигло абсолютного доминирования, международное право содержит элементы компромисса. Если такое доминирование будет достигнуто, то возникнет мировое государство, что будет означать конец международного права.

Господствующая сила на международной арене может состоять из государств, управляемых одним классом, а также из государств, управляемых разными классами. Тот факт, что государства управляются разными классами, не мешает им договариваться по поводу некоторых норм, в то время как государства, управляемые одним классом, могут расходиться друг с другом. Например, перед Октябрьской революцией все крупные государства были капиталистическими, но у них были разные взгляды на международное право. Сегодня социалистический Китай может договариваться с капиталистическими государствами по многим вопросам. Аналогично СССР договаривался с Великобританией и США о содержании Устава ООН. Таким образом, в отличие от норм внутреннего права, отражающих волю одного правящего класса,

¹ Данный параграф составлен на основе статьи Чэнь Тицяня. См.: *Chen Tiqiang*. Op. cit. P. 16–21.

нормы международного права, согласованные большинством государств, отражают волю не одного класса, а всех правящих классов разных государств. Эти классы, хотя и являются антагонистами, могут по той или иной причине соглашаться на определенные правила. В связи с этим китайские юристы должны оценивать каждую норму по существу: нормы, которые служат исключительно интересам капитализма, неприемлемы; нормы, которые являются буржуазными по своему происхождению, могут при некоторых условиях служить интересам пролетариата и мира.

Некоторые авторы утверждают, что государство должно принимать международное право во всей его полноте. Однако непонятно, из чего состоит «вся полнота» международного права; кроме того, каждое государство делает свой выбор, не исходя из каприза, а лишь просчитав краткосрочные и долгосрочные выгоды и взвесив преимущества – как в конкретном случае, так и в рамках общей стратегии. Государство, формулирующее норму, в большинстве случаев выберет норму, способствующую его долгосрочным выгодам и соответствующую его общей стратегии в ущерб сиюминутным преимуществам. Кроме того, необходимо учитывать взаимность: краткосрочное преимущество может обернуться недостатком при смене ролей. В связи с этим выбор государства является ограниченным, и даже некоторые сверхдержавы были вынуждены принять (пусть только на словах) антигегемонизм в качестве принципа своего поведения. Таким образом, нормы международного права становятся обязательными не только потому, что государства их принимают, но и потому, что эти государства заинтересованы в том, чтобы соблюдать их и следить за тем, чтобы другие поступали так же. Классовые интересы влияют и на толкование и применение норм. Даже империалистические государства, создавшие в XIX в. нормы международного права, часто изменяли их в новых обстоятельствах в угоду собственным интересам. Разумеется, толкование не может идти вразрез с основными принципами.

Пролетарский интернационализм означает противодействие угнетению своей нации любой другой нацией и в то же время противодействие угнетению любой нации любой другой нацией. Патриотизм и национализм полностью соответствуют пролетарскому интернационализму и дополняют его. В прошлом борьба Китая против империализма способствовала борьбе других угнетенных народов, и, наоборот, их борьба помогала ему. Сегодня перед Китаем по-прежнему стоит задача защититься от посягательств гегемонистских держав, и он считает себя обязанным помогать другим угнетенным народам в их борьбе за освобождение с целью ликвидации всякого угнетения во всем мире. Для Китая помощь в освобождении угнетенных наций – неотъемлемая часть задачи освобождения самого себя. По этой причине он выступает за уважение суверенитета, равенства и самоопределения и против агрессии, интервенции и угнетения. Одно государство не может, прикрываясь «пролетарским интернационализмом», требовать в интересах «социалистического содружества» односторонних жертв от других государств, как это делает СССР. Для капиталистических государств, наоборот, высшим соображением являются их национальные интересы.

В целом изложенный подход напоминает подход советской доктрины; при этом китайские авторы делали больший акцент на классовом интересе, праве на самоопределение и суверенитете, который предполагает свободу усмотрения государств в части принятия норм международного права и отказ от советской концепции «социалистического содружества» («социалистического интернационализма»).

5. История международного права¹

По мнению китайских авторов, каждому типу классового общества свойственно свое международное право, обслуживающее интересы правящего класса. Так, буржуазное международное право закрепляет принципы суверенной независимости, свободы моря, свободной торговли и др., обслуживающие интересы буржуазии.

Западные ученые полагают, что международное право было создано цивилизованными нациями под влиянием христианства в начале XVII в. Однако правила межгосударственных отношений существовали в рабовладельческом и феодальном обществах, не только в Европе, но и в Азии. Где есть государство, будет и право; где

¹ Об истории международного права в Китае см.: *Wang Tiejia*. International Law in China: Historical and Contemporary Perspectives // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 221. 1990. P. 205–262. Общие подходы китайской доктрины см.: *Yuan P. C.* Op. cit. P. 11–14, 14–19.

есть отношения между государствами, обязательно будет международное право. Буржуазное международное право действительно появилось в XVII в., но после Октябрьской революции 1917 г. мир качественно изменился и возникло *современное международное право*, которое регулирует отношения между странами с разными социальными системами, служит разным интересам их правящих классов и учитывает интересы пролетариата и угнетенных наций (Лю Фэнмин, 1982).

Дальнейшая трансформация международного права происходит под влиянием следующих факторов: 1) возникновение новых независимых государств, благодаря которым были сформулированы новые принципы и концепции (например, Пять принципов мирного сосуществования, концепция общего наследия и др.); 2) научно-технический прогресс, усиливший взаимозависимость между государствами и расширивший сферу их сотрудничества (и сферу действия международного права); 3) развитие международного экономического порядка: новые независимые государства хотят не только политической независимости, но и экономической эмансипации; государства все чаще участвуют в экономических отношениях; сфера действия международного публичного права расширяется, а разграничение между публичным и частным международным правом становится нечетким; 4) увеличение числа международных организаций.

6. Понятие и функция международного права¹

На первом этапе существования КНР китайские авторы ориентировались на советские определения. Так, Хэ Ушун (He Wushuang) и Ма Цюнь (Ma Qun) писали: «Международное право – это совокупность норм, регулирующих отношения между государствами в процессе их борьбы и сотрудничества, выражающих волю правящего класса этих государств и гарантируемых принуждением, применяемым государствами индивидуально и коллективно» (1957). Позднее китайская доктрина выработала собственный, относительно оригинальный подход, подчеркивающий согласительный характер международного права, его диалектическую функцию (регулирование отношений борьбы и сотрудничества), его особую классовую природу и исключительность государств как его субъектов. Похожие акценты делались и советской доктриной, поздние представители которой, однако, склонялись к признанию *объективной (неклассовой) природы* международного права.

Чжоу Гэншэн выделял четыре черты международного права: оно является международным (регулирует отношения между государствами); оно является правом (не включает неправовые нормы); оно является общим (связывает все государства); оно является классовым (служит политике). Автор дает следующее определение: «Международное право формируется в процессе международных отношений и, как правило, признается различными государствами. Оно выражает волю правящего класса этих государств и представляет собой совокупность правил поведения, имеющих юридически обязательную силу для государств в их международных отношениях и состоящих из принципов, правил и институтов» (1976). И далее: «Хотя международное право, как и другие отрасли права, имеет классовый характер, оно отличается от внутреннего права. Внутреннее право принимается законодательным органом государства, выражающим волю правящего класса этого государства. Международное право является общепризнанным и не обязательно выражает волю правящего класса какого-либо государства, но должно выражать волю правящих классов разных государств. Однако это не может быть общая воля правящих классов разных государств, особенно правящих классов государств с разными политическими и социальными системами. Таким образом, международное право, выражающее волю правящих классов разных государств, может быть лишь выражением их согласованной воли».

По мнению Чжу Циу (Zhu Qiwu), предыдущее определение не объясняет роль международного права в регулировании борьбы и сотрудничества между странами с разными социальными системами. Его определение выглядит следующим образом: «Международное право создается путем соглашений в международных отношениях, выражает согласованную волю правящих классов государств и гарантируется принудительными мерами, принимаемыми государствами индивидуально или коллектив-

¹ Carrai M. A. Op. cit. P. 153–154; Fry J. D., Huang Yining. Op. cit. P. 1009–1011; Yuan P. C. Op. cit. P. 23–24; Hungdah Chiu. Chinese Attitudes. P. 1129–1137.

но. Оно есть совокупность обязательных правил поведения, признанных государствами с целью регулирования отношений борьбы и сотрудничества между ними» (1981).

Ван Тейя и Вэй Мин определяли международное право как «совокупность обязательных принципов, норм, правил и отраслей, которые регулируют главным образом отношения между государствами» (помимо государств существуют государствовподобные образования и международные организации); оно является результатом согласования воли государств и производным от борьбы между государствами. В международном сообществе нет правящего класса, поэтому оно выражает соглашение между правящими классами разных государств (1986).

Лю Фэнмин писал: «Международное право – это право равных, это не право правителя и управляемого. Пролетарское государство или народно-демократическое государство не навязывает свою государственную волю ни одной стране мира и, исходя из фундаментальных интересов и желаний народов разных государств, ищет общую основу, сохраняя различия в международных делах... Основания „согласованной воли“ и „общей воли“ различаются: первая устанавливается на основе поиска общего при сохранении различий, вторая – на основе тождества классового интереса... Отличия современного международного права от других видов международного права состоят в следующем: 1) оно выражает общую волю пролетариата социалистических стран или согласованную волю государств с разными социальными системами, одобренную пролетариатом; оно не выражает исключительно волю эксплуататорского класса... 2) оно регулирует отношения между социалистическими странами и отношения между социалистическими странами и капиталистическими странами и международные отношения, затрагивающие социалистические страны... оно не регулирует исключительно отношения эксплуататорских государств» (1982)¹.

В 50-е гг. большинство китайских авторов подчеркивали роль международного права как инструмента внешней политики государства; после смерти Мао данная позиция отстаивалась Линь Цзиньжуном, в то время как другие авторы заняли более нейтральную позицию и даже критиковали «политико-ориентированную теорию». По мнению Ван и Вэй, существуют две точки зрения на функцию международного права: в соответствии с первой международное право – гарант мира, безопасности и справедливости; вторая отрицает значение международного права (именно она, к сожалению, преобладала в Китае). Обе точки зрения некорректны; на самом деле международное право играет три роли: во-первых, оно выступает критерием добра и зла (*right and wrong*) в международном сообществе; во-вторых, оно является инструментом самоограничения и взаимного ограничения с целью установления нормального международного порядка; в-третьих, оно определяет конкретные права и обязанности государств в процессе их взаимодействия.

7. Государственность и суверенитет²

Суверенитет – ключевое понятие в китайской теории международного права. Его политическая функция – шире и более акцентирована, чем в западной или советской доктринах. Во-первых, суверенитет – инструмент освобождения пролетариата, пролетариат может стать правящим классом только в суверенном государстве; во-вторых, он защищает от империализма и неравноправных договоров; в-третьих, он является сущностным элементом отношений между социалистическими странами, основанных на взаимном уважении³.

По мнению Чжоу Гэншэна, суверенитет не делится на внутренний и внешний; даже «полусуверенное» государство вправе в любой момент избавиться от внешнего

¹ В китайской доктрине велась дискуссия относительно того, сколько типов международного права существует – один (общее), два (социалистическое и буржуазное) или три (общее, социалистическое и буржуазное).

² Fry J. D., Huang Yining. Op. cit. P. 1011–1040; Wang Tieya. Op. cit. P. 288–314; Carrai M. A. Op. cit. P. 158–182.

³ «Китайская концепция суверенитета является скорее политической программой с целью обретения „национальной мощи“, чем понятием правовой доктрины. Она включает элементы официального патриотизма, коммунистической идеологии и антизападных тенденций... Такая концепция суверенитета предполагает, что международные обязательства принимаются с осторожностью, а их внутренняя имплементация осуществляется при условии, что эти обязательства продвигают национальные интересы» (Björn Ahl. Die Anwendung völkerrechtlicher Verträge in China // Beiträge zum ausländischen öffentlichen Recht und Völkerrecht. Band 207. 2009. P. 355).

контроля и восстановить полный суверенитет. Автономные регионы не признаются субъектами международного права (Конвенция Симлы 1914 г. между Великобританией и Тибетом в связи с этим недействительна). Ватикан также им не является, поскольку после 1870 г. он не имеет собственной территории и населения. Концепция «двух Китаев» противоречит международному праву: правительство региона не может образовывать государство и участвовать в международных отношениях. Тем не менее нация, которая борется за независимость и развивает свою политическую организацию, может быть признана государством. Индивид также не выступает субъектом международного права: он обладает правами в силу национального права (в том числе в результате имплементации международного права). Договоры, упоминающие права индивида, на самом деле закрепляют права государств; индивид – лишь предмет регулирования.

Чжоу считал, что территория государства служит основой его развития: она является постоянно определенной, и население может постоянно эксплуатировать ее ресурсы. В политическом плане территория – это место, где государство может свободно осуществлять свои полномочия без каких-либо препятствий и вмешательства извне. Государства действуют на своей территории в силу своего суверенитета, а не получают полномочия от международного права (в связи с этим теория Г. Кельзена, согласно которой международное право устанавливает пределы действия государственной власти, неверна). Территория может быть приобретена различными способами. Аннексия (например, открытого острова) правомерна, но некоторые ее виды считаются искусственными (например, рекламация земли) и требуют согласия стороны, занимающей другой берег. Концепция *terra nullius* в том виде, в каком она используется Западом, неправомерна, так как она игнорирует интересы коренного населения. Цессия правомерна, но некоторые ее формы представляют собой военную оккупацию и поэтому незаконны (например, аренда земель у Китая в XIX в. или аренда Панамского канала). Воздушное пространство государства простирается на неопределенную высоту.

Китайская доктрина уделяла большое внимание критике западных подходов. Чжу Лижу (Zhu Liru) писал: «Ученые-международники капиталистических государств считают, что только европейские (*Caucasian*) государства могут обладать суверенитетом. Они даже утверждают, что суверенитет европейских государств абсолютен и неограничен и они не связаны обязательствами „уважать законные интересы других государств“... Мы, социалистические государства, придерживаемся совершенно иной точки зрения... Мы уважаем каждое государство – большое и малое, европейское, негритянское и монголоидное» (1957). Кун Мэн (Kong Meng) утверждал: «Согласно буржуазной теории международное сообщество есть большая семья „цивилизованных государств“, и оно покровительствует только цивилизованным нациям; нецивилизованные же нации находятся вне международного сообщества: они либо не являются полными субъектами международного права, либо не являются его субъектами вообще... Они [нецивилизованные страны] вообще не могут пользоваться правами по международному праву, а могут лишь брать на себя обязательства в соответствии с подписанными ими неравноправными договорами или соглашениями, заключенными между крупными буржуазными странами» (1960). Далее, ссылаясь на Устав ООН, он доказывал, что любая теория, отрицающая субъектность государства в силу его «уровня цивилизованности» или характера социальной системы, неправомерна. Китайские авторы также критиковали Ф. Джессапа, выдвинувшего идею мирового государства, Г. Лаутерпахта, утверждавшего, что государства должны действовать в интересах международного сообщества, и советскую теорию «социалистического интернационализма», воспринимая ее как предлог для вмешательства.

В прикладном значении концепция суверенитета использовалась для обоснования прав Китая на Тибет, Тайвань, Гонконг и Макао. По мнению китайских авторов, титул Китая на эти территории абсолютен; его суверенитет не может быть приостановлен; обсуждение этих вопросов в рамках ООН считается вмешательством¹.

¹ Так, Шао Цзиньфу (Shao Jinfu) писал: «Во-первых, китайский народ сам сверг революционным путем старое реакционное правительство, создав вместо него народное правительство. Это ни в коей мере не влияет на статус Китая как члена семьи наций. Во-вторых, вопрос о возвращении Тайваня Китаю уже был решен после победы китайского народа в Войне сопротивления Японии; он не относится к вопросам, не

После смерти Мао внешняя политика Китая была переориентирована: Конституция 1982 г., сохраняя акцент на важности суверенитета, упоминала, что «будущее Китая тесно связано с будущим всего мира» и что Китай «укрепляет сплоченность с народами различных стран мира» и т. п. Идея классово-борьбы, таким образом, отошла на второй план, хотя и не исчезла полностью. В 1982 г. Дэн выдвинул теорию «одна страна, две системы» и допустил, что после объединения Тайваню будет разрешено сохранить капиталистический строй (1984); фактически данная теория была применена к Гонконгу.

Данная смена перспективы хорошо отражена в работе Ван Тейи 1992 г. По его мнению, суверенитет Китая был завоеван в результате долгой борьбы, поэтому воспринимается как средство защиты от иностранной агрессии. Новые государства, опасющиеся посягательств на свою независимость, также привязаны к этой концепции. М. Боден определил суверенитет как верховную власть суверена над территорией и ее жителями, не ограниченную никакими законами и правилами, созданными любой другой властью на земле, но ограниченную законами Бога и Природы и человеческими законами, общими для всех наций. Поэтому суверен должен подчиняться международному праву и соблюдать обязательства по отношению к другим суверенам. К сожалению, эта идея была искажена доктриной абсолютного суверенитета, оправдывающей агрессивную политику некоторых государств. КНР никогда не придерживалась этой доктрины: она всегда была бдительна в отношении своего суверенитета, но никогда не считала суверенитет неограниченной властью. В соответствии с разработанными ею Пятью принципами принцип суверенитета ограничен другими принципами; взаимное уважение суверенитета предполагает, что суверенитет одного государства ограничивается суверенитетом других. Другое доказательство – приверженность КНР правилу *pacta sunt servanda* (заключение договора является актом суверенитета, в то время как положения договора всегда ограничивают суверенитет). Это, однако, не значит, что КНР отрицает концепцию суверенитета в целом. Попытка уничтожить суверенитет путем создания «мирового государства» и заменить международное право «мировым правом» направлена не на обеспечение порядка, а на доминирование одной державы. Прошлый опыт Китая убедил его в необходимости защиты суверенитета: во-первых, Китай настаивает на том, что Тайвань – его часть; во-вторых, он протестует против иностранных вторжений в его территориальные воды и воздушное пространство; в-третьих, он считает, что проблема границ тесно связана с суверенитетом и должна решаться путем переговоров на основе Пяти принципов. Суверенитет не исключает взаимозависимости и наоборот, но взаимозависимость без суверенитета ведет к хаосу и конфликтам. Суверенитет неотделим от равенства: поскольку все государства суверенны, они равны. Юридическое равенство не предполагает равенства фактического, но фактическое неравенство не может быть поводом для отрицания юридического равенства. Принцип юридического равенства в свете Пяти принципов предполагает не только формальное, но и содержательное равенство (стремление к взаимной выгоде). Суверенитет может быть ограничен международным правом, но не является делимым. Поэтому аренда территорий представляет собой не «переодетую цессию» (т. е. уступку суверенитета), а передачу владения (юрисдикционных прав) без уступки суверенитета.

8. Международно-правовое признание¹

Китайские ученые придерживались декларативной теории признания. Кун Мэн (Kong Meng) писал: «Возникновение государства, становящегося субъектом международного права, должно определяться волей народа этого государства... Признание в международном праве есть лишь подтверждение факта существования нового государства уже существующими государствами... буржуазная теория о том, что признание создает субъекта международного права, несовместима с принципами суверенного равенства и национального самоопределения».

решенным после Второй мировой войны. В-третьих, освобождение Тайваня китайским народом является продолжением Китайской народной революции после войны. Это чисто внутренний вопрос, который не имеет ничего общего с международными соглашениями и не затрагивает никаких международных вопросов».

¹ Fry J. D., Huang Yining. Op. cit. P. 1016–1019; Carrai M. A. Op. cit. P. 167–175.

Чэнь Тицян, защитивший диссертацию о признании в Лондонском университете, выделял два подхода к признанию (1951). В соответствии с первым государство является высшим источником власти, поэтому новое государство не может осуществлять никаких прав в международной системе, если оно не признано другими государствами. Другой подход предполагает наличие высшего свода законов, определяющих права и обязанности государств, с конечной функцией регулирования «поведения политических субъектов в гармоничном сосуществовании с сообществом», что не может быть достигнуто с помощью представлений об абсолютном суверенитете. Он выступал против теории, согласно которой до тех пор, пока новые государства не будут признаны, их права могут безнаказанно нарушаться. Права и обязанности нового государства возникают автоматически, просто в силу его существования (что перекликается с идеей начала XX в. о «праве на существование»). При этом, хотя признание не создает правовой статус нового государства, оно имеет важные политические последствия.

Китайских авторов также интересовал вопрос о преждевременном и запоздалом признании. По мнению Чжоу Гэншэна, КНР признает государства, ставшие независимыми в результате деколонизации (Алжир, Йемен, Сирия), но в отличие от США и Японии никогда не предоставляет преждевременного признания. Такое признание посягает на целостность материнского государства и является неправомерным вмешательством; его разновидность – признание марионеточных государств, оккупированных иностранными войсками (признание США Панамы и Маньчжурии). Маньчжурия была лишь инструментом Японии; у нее не было ни независимости, ни автономной воли, ни устойчивости. Отказ от признания уже существующих государств также противоправен, так как он посягает на право людей выбирать свое правительство, принцип невмешательства и принцип самоопределения (пример – отказ США признавать СССР и Китай).

9. Международные организации¹

Отношение КНР к международным организациям сформировалось под влиянием нескольких факторов: разочаровывающего опыта участия в Парижской конференции и членства в Лиге, длительного отсутствия КНР в ООН и политики ООН по отношению к тибетскому, тайваньскому и некоторым другим вопросам, воспринимаемой как вмешательство. Тем не менее организации в целом и ООН в частности рассматривались как необходимый и демократический институт, а Устав ООН – как договор, отражающий консенсус государств с разными социальными системами. Китайские авторы сетовали, что некоторые члены ООН не соблюдают Устав, в связи с чем его принципы не могут быть реализованы. Народы мира в связи с этим должны объединиться для защиты Устава и поддержания безопасности (Wang Jiazhun, 1957).

По мнению Чжоу Гэншэна, международные организации состоят из государств-членов и не обладают суверенитетом; в связи с этим они не могут быть главными субъектами международного права. По сути, они представляют собой инструмент, который может быть использован как для налаживания сотрудничества, так и для подрыва суверенитета других государств. В настоящее время организации в основном выполняют вторую функцию; в обоснование этого империалистические державы ссылаются на положения, касающиеся защиты прав человека и поддержания мира и безопасности; такая трактовка, однако, подрывает принципы суверенитета, невмешательства и самоопределения. Примером может служить продвижение в ООН концепции «двух Китаев» или обсуждение вопросов, связанных с Тибетом. США манипулируют не только ООН, но и Организацией американских государств (Заявление о противодействии международному коммунизму 1954 г., решение об исключении Кубы 1962 г.). В отличие от ОАГ Лига арабских государств и Организация африканского единства пытаются противостоять мировому империализму, разрешать пограничные споры и способствовать деколонизации.

Членство в ООН должно быть универсальным, непостоянные места в СБ должны распределяться с учетом интересов азиатских и африканских государств (Чжоу Эньлай говорил об этом еще на Бандунгской конференции). КНР имеет законное право

¹ Hungdah Chiu. Chinese Attitudes. P. 1151–1159; Carrai M. A. Op. cit. P. 172–175; Fry J. D., Huang Yining. Op. cit. P. 1044–1048.

быть членом ООН, поскольку изменение формы государства или политического режима не затрагивает правосубъектность государства. В связи с этим ей не требуется заново ходатайствовать о вступлении в ООН; этот вопрос должен решаться как процедурный (а не важный) вопрос, т. е. большинством, а не 2/3 голосов (ст. 18 (2) Устава) (Чжоу Гэншэн). Членство в ООН позволит КНР эффективно защищать не только ее интересы, но и интересы всех развивающихся государств, и противостоять США.

10. Источники международного права¹

Китайская доктрина источников отличалась некоторой оригинальностью. По мнению Чжоу Гэншэна, термин «источники права» имеет два значения: метод формулирования правовых норм и место, где впервые закрепляются нормы. Если говорить о первом из них, то источниками являются лишь обычаи и договоры; в своем втором значении этот термин также охватывает решения судов, мнения ученых и дипломатические документы (они могут стать обычаями благодаря длительной практике). Существуют три признака *договора*: участие государств, добровольное согласие, законная цель. Империалистические государства часто не соблюдают договоры и навязывают неравноправные договоры.

Ван Тейя рассмотрел вопрос о *совместных заявлениях*. По его мнению, они выполняют разные функции. Заявления и коммюнике часто объявляют об установлении дипломатических отношений или подводят итоги переговоров. Они имеют не только политическое, но и правовое значение: например, три коммюнике с США устанавливают принципы поведения сторон и вытекающие из них обязательства. Другой пример – Декларация КНР и Великобритании по вопросу Гонконга 1984 г., подписанная премьер-министрами двух государств и ратифицированная Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП) в 1985 г. Такие заявления нельзя считать необязывающими соглашениями: любое соглашение, заключенное государствами, их обязывает; недостаток точности и политическая природа положений не препятствуют тому, чтобы они имели обязательную силу, хотя иногда для их применения необходимо заключить более конкретные соглашения. Определяющий фактор – намерение сторон, однако его не всегда легко установить; следовательно, нужно руководствоваться презумпциями обязательности или необязательности соглашения. В целом данный вопрос решен не до конца. Пример разного понимания – Каирская декларация 1943 г., согласно которой Тайвань должен быть передан Китаю. По мнению Великобритании, речь идет о декларации о намерениях; по мнению США – об обязательствах (позднее эта позиция была изменена); по мнению Китая, данная декларация является международным договором.

Китайская доктрина придерживалась двухэлементной теории *международного обычая*. Многие авторы считали, что договоры более важны, чем обычаи, и подчеркивали классовый характер обычаев, а также их неясность и сложности, связанные с их доказыванием. Ван и Вэй, однако, полагали обычай самым важным источником международного права: он образует большую часть общего права, от него зависит эффективность других источников, в том числе договоров. Современные методы коммуникации сокращают период формирования обычая; например, обычай, закрепляющий право на континентальный шельф, возник менее чем за 20 лет после окончания Второй мировой войны.

Китайские авторы были склонны преуменьшать значение *общих принципов права*. По мнению Чжоу Гэншэна, данные принципы не являются источником права: они не могут пониматься как принципы международного права (позиция советских ученых), поскольку принципы международного права не могут быть его источниками; вместе с тем, пока «общие принципы» не получили общего признания через обычай или договор, они не могут стать нормами международного права. Значение ст. 38 (с) Статута Международного суда ООН состоит в том, чтобы уполномочить Суд в отсутствие применимых норм, содержащихся в обычаях или договорах, применять общие принципы права *по аналогии* в качестве удобного способа решения проблемы; это также подтверждается ст. 59 Статута, согласно которой решение Суда обязательно только для сторон.

¹ Hungdah Chiu. Chinese Attitudes. P. 1139–1145; Fry J. D., Huang Yining. Op. cit. P. 1042–1044; Yuan P. C. Op. cit. P. 35–38; Wang Teyea. Op. cit. P. 315–326; Hungdah Chiu. Chinese Views on Sources of International Law // Harvard International Law Journal. 1987. Vol. 28. No. 2. P. 289–307.

Близкую позицию занял Чжу Лисунь (Zhu Lisun), по мнению которого принципы внутреннего права не могут действовать в международном праве, поскольку речь идет о двух разных правовых системах. По мнению Ван и Вэй, общие принципы права не могут рассматриваться как принципы международного права, поскольку последние создаются посредством договора или обычая. Они также не могут рассматриваться как вытекающие из общего правосознания, поскольку международное сообщество не походит на внутригосударственное и состоит из государств с разными социальными и экономическими системами. Следовательно, в качестве данных принципов необходимо рассматривать принципы, общие для правовых систем разных государств (примером может служить принцип исковой давности). Данные принципы, однако, не являются независимым источником; важным признаком общего принципа выступает общепризнанность, которая предполагает одобрение принципа через договор или обычай; общие принципы в этом случае «сливаются» с этими двумя главными источниками международного права.

Авторы эпохи Мао призывали не доверять судебным решениям, так как они принимаются судьями, выражающими интересы буржуазных держав (по этим же причинам не следует доверять западной доктрине) (Ying Tao и др.)¹. Позднее эта точка зрения была смягчена. По словам Ван и Вэй, судебные решения и доктрина – это не более чем вспомогательное средство; мнение ученых не может связывать государства, его значение уменьшается по мере увеличения доступности материалов по международному праву. Чжоу Сяолин, однако, считал, что решения Международного суда ООН оказывают большое влияние на развитие права, представляя собой авторитетное выражение и толкование правовых норм (1985).

По мнению Ван и Вей, резолюции универсальных организаций, закрепляющие правовые принципы, могут служить вспомогательным средством для определения норм права; их роль аналогична роли судебных решений и доктрины. В силу того что они принимаются государствами, они имеют большее значение, чем судебные решения и доктрина. Цинь Я (Qin Ya) придерживалась иной точки зрения: резолюции Генеральной Ассамблеи, касающиеся внутренней структуры ООН и административных правил, могут становиться источником права международных организаций или международного административного права, а те, которые создают новые нормы международного права, – источником международного права. Резолюция, поддержанная главными политическими силами, может стать общеобязательной, даже если она не была принята единогласно (тот факт, что резолюция была принята большинством, не всегда означает ее общеобязательность) (1984). Аналогично, по мнению Чжоу Сяолина, некоторые резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (особенно касающиеся прав и обязанностей государств, толкования Устава ООН и т. п.) отражают волю международного сообщества и обязывают государства; кроме того, резолюции могут подтверждать обычай, указывать направление развития права, быть начальной точкой в процессе правотворчества и влиять на формулировки будущих норм (1985).

II. Неравноправные договоры и *rebus sic stantibus*²

Китайская доктрина уделяла особое внимание проблеме неравноправных договоров. По мнению Чжоу Гэншэна, КНР – преемник Китая, но уже не полуколониальное государство. Как результат, КНР не связана обязательствами из неравноправных договоров, которые должны быть пересмотрены. До тех пор пока КНР не признает старый договор, ни одно иностранное государство не может предъявлять основанное на нем требование. Речь не идет о том, что эти договоры стали автоматически недействительными: в каждом отдельном случае необходимо выработать решение по поводу их признания или непризнания. По мнению Чэнь Тицяна, поскольку неравноправные договоры несовместимы с базовыми принципами суверенитета и равенства государств, современное международное право не требует их соблюдения.

¹ П. Юань подчеркивает избирательность оценки Китаем судебных решений. Так, Китай поддержал решение Международного суда ООН по делам о континентальном шельфе Северного моря, закрепившее концепцию естественного продолжения, и не поддержал арбитражное решение по делу о делимитации англо-французского шельфа, преуменьшившее значение принципа естественного продолжения (Yuan P. C. Op. cit. P. 37).

² Fry J. D., Huang Yining. Op. cit. P. 1019–1020; Chen Tiqiang. Op. cit. P. 22; Wang Tieya. Op. cit. P. 333–352.

Кроме того, классовый характер КНР радикально отличается от характера прежнего Китая; жизненно важные условия, существовавшие на момент заключения этих договоров, перестали существовать, в связи с чем они стали недействительными в силу принципа *rebus sic stantibus*.

Ван Тейя рассмотрел эту проблему подробно. Статья 55 Общей программы Китайской народной политической консультативной конференции 1949 г. гласит: «Центральное народное правительство КНР изучит договоры и соглашения, заключенные между Гоминьданом и иностранными правительствами, и признает, отменит, пересмотрит или перезаключит их в зависимости от их содержания»¹. Правительство КНР предприняло усилия по отмене привилегий, вытекающих из неравноправных договоров. Так, в 1950 г. Пекинская контрольная комиссия НОАК объявила о реквизиции казарм, принадлежавших США в Пекине. США сочли, что речь идет о нарушении ст. VII Протокола 1901 г. и ст. II Договора между США и Китаем 1943 г. Комиссия заявила, что казармы должны быть возвращены, так как неравноправные договоры, предусматривающие право размещения войск и оккупацию земли в Пекине, теперь отменены, а казармы подлежат реквизиции в силу необходимости. В комментарии *New China News Agency* от 18 января было указано, что Комиссия обязана выполнять Программу, а не неравноправные договоры. Статья 55 не указывает, являются ли данные договоры недействительными *ab initio* или же они просто оспоримы. Практика КНР подтверждает теорию о том, что они недействительны по своей природе; кроме того, это соответствует Венской конвенции 1969 г., предусматривающей недействительность договоров, заключенных под принуждением или противоречащих *jus cogens*. В практике КНР, тем не менее, есть исключения из правила о недействительности данных договоров *ab initio*. Так, в 1960 г. Китай и Бирма подписали договор о границе; при этом Китай согласился взять за основу границы, указанные в старых договорах с Великобританией. В 1969 г. правительство КНР объявило Айгунский и Пекинский договоры с Россией неравноправными, но во время переговоров 1964 г. Китай согласился рассматривать их как основу для урегулирования и не выдвигать требований о возврате захваченных территорий. Таким образом, КНР выделяет два признака неравноправных договоров (они заключены в результате применения силы или ее угрозы и нарушают принципы суверенитета и равенства) и считает, что они недействительны *ab initio* (но в особых случаях соглашается сохранять *status quo* до урегулирования в рамках переговоров).

Ван Тейя также рассмотрел принцип *rebus sic stantibus*, который многие китайские авторы считали основанием для прекращения неравноправных договоров. Китай часто ссылался на него в 20-х гг., требуя пересмотра некоторых договоров (например, с Бельгией). Данный принцип также имплицитно предусматривается ст. 55 Общей программы. Тем не менее в китайской практике есть мало примеров его использования. Один из них – Соглашение о Китайско-Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем между СССР и КНР 1950 г., в преамбуле которого было указано: «После 1945 года произошли коренные изменения в обстановке на Дальнем Востоке, а именно: империалистическая Япония потерпела поражение; реакционное гоминьдановское правительство было свергнуто; Китай превратился в народно-демократическую республику, создано новое, Народное Правительство, которое объединило весь Китай, осуществило политику дружбы и сотрудничества с Советским Союзом и доказало свою способность отстоять государственную независимость и территориальную целостность Китая, национальную честь и достоинство китайского народа. Президиум Верховного Совета СССР и Центральное Народное Правительство КНР считают, что эта новая обстановка дает возможность по-новому подойти к вопросу о КЧЖД, о Порт-Артуре и о Дальнем». В 1979 г. Китай использовал ссылку на изменившуюся международную обстановку при принятии решения о *непродлении* действия Китайско-советского договора о дружбе 1950 г. Чжоу Эньлай также ссылался на «исторические изменения» при подготовке договора о границе с Бирмой. Таким образом, правило *rebus sic stantibus* как дополнение к правилу *pacta sunt servanda* должно применяться лишь в исключительных случаях. Его нельзя использовать просто для оправдания нарушения договора. При правильном использовании оно не

¹ URL: <https://sourcebooks.fordham.edu/mod/1949-ccp-program.asp> (дата обращения: 01.03.2025).

будет представлять опасности для правила *pacta sunt servanda*, но, наоборот, будет дополнять его, и в совокупности они будут гарантировать святость договоров.

12. Международное и внутригосударственное право¹

Чжоу Гэншэн отвергал монизм, считая, что приоритет международного права противоречит принципу суверенитета; таким образом, эта теория обслуживает империализм. В свою очередь, дуализм переоценивает антагонистический аспект и игнорирует сотрудничество между международным и внутренним правом, основанное на том, что государства не только принимают внутреннее право, но и участвуют в принятии международного права (тезис Г. Трипеля. – В. Т.). Поэтому вопросы верховенства и антагонизма нерелевантны: «Если рассматривать вопрос о соотношении международного и внутреннего права как практический, то в конечном счете он является вопросом о том, как государство реализует международное право в своей внутренней сфере, то есть вопросом о выполнении его международно-правовых обязательств. Международное право по своей природе является обязательным для государства и не обязывает непосредственно его органы или население. Если внутреннее право противоречит международному праву, суд государства все равно должен его применить, но государство будет отвечать за нарушение международных обязательств. Поскольку государства признали нормы международного права, они обязаны привести свое внутреннее право в соответствие с международно-правовыми обязательствами. Вопрос о том, как выполнить это требование, зависит от усмотрения различных государств... До тех пор, пока государства серьезно относятся к своим международным обязательствам, отношения между международным и внутренним правом всегда можно согласовать».

Близкая позиция была высказана Ван и Вэй; по их мнению, монизм отрицает суверенитет и пытается заменить международное право «мировым правом», а сообщество государств – «мировым правительством». И далее: «Международное право и внутреннее право являются двумя системами права, или можно сказать, что международное право является особой системой права, отличающейся от внутреннего права... Однако, поскольку внутреннее право создается государствами, а международное право создается с участием государств, между двумя этими системами существуют тесные отношения взаимного проникновения и дополнения. В принципе, когда государства принимают внутреннее право, они должны учитывать требования международного права. Когда государства участвуют в создании международного права, они также должны рассматривать его с точки зрения внутреннего права. На практике существуют разные способы разрешения или избегания конфликта между международным и внутренним правом. Если государство принимает закон, который явно противоречит принципам, нормам, правилам или институтам международного права и тем самым ущемляет законное право и интерес другого государства, то он становится международным противоправным актом, поднимающим вопрос о международной ответственности. Речь при этом не идет о базовом противоречии между международным правом и внутренним правом».

Лю Фэнмин, не обсуждая дуализм и монизм, утверждает, что в случае конфликта международное право, как правило, должно превалировать над внутренним; но речь при этом идет о *современном* международном праве (а не о буржуазном). Данный вопрос, впрочем, лишен практического значения, поскольку КНР не примет обязательств, противоречащих принципам внутреннего права, и не примет закона, который будет противоречить ее международным обязательствам.

Конституция КНР 1982 г. не определила статус международного права в правовой системе КНР. Некоторые законы, однако, закрепили правило о приоритете положений договоров, за исключением тех, к которым КНР сделала оговорку (ст. 189 Закона о гражданском судопроизводстве 1982 г., ст. 142 Основ гражданского законодательства 1986 г. и др.). Для реализации договора иногда принимался специальный акт (трансформация): примеры – Закон о товарных знаках 1982 г., запрещающий использование знака красного креста или полумесяца в товарных знаках (ст. 53 Женевской конвенции I), и Положение о дипломатических привилегиях и иммунитетах 1986 г. (Венская

¹ *Hungdah Chiu*. Chinese Attitudes. P. 1145–1151; *Idem*. Chinese Views on Sources... P. 289–307; *Wang Tieya*. Op. cit. P. 326–333.

конвенция 1961 г.). Некоторые акты закрепили отсылку к договорам (инкорпорация), например, ст. 24 Положения 1986 г. отсылала к конвенциям с участием Китая для решения вопроса о статусе представителей иностранных государств, приехавших в Китай для участия в конференциях под эгидой ООН.

Ли Хаопэй в связи с этим делает вывод о приоритете договоров над внутренним правом, не указывая, однако, распространяется ли он на законы, не содержащие соответствующую оговорку (1986). По мнению Ван Тейи, законы и договоры имеют одинаковую силу, поскольку процедуры их принятия/заключения схожи; некоторые законы предусматривают приоритет международных договоров, но речь идет о конкретных сферах; в целом существует тенденция, направленная на предоставление договорам приоритета над законами.

В целом, несмотря на критику китайскими авторами концепции дуализма, китайский подход можно охарактеризовать как строгий дуализм, допускающий применение международного права лишь в специально оговоренных случаях.

13. Вклад Китая в международное право¹

В качестве вклада Китая в развитие международного права китайские авторы рассматривали Пять принципов мирного сосуществования, Десять принципов Бандунгской конференции 1955 г., Восемь принципов помощи Китая зарубежным странам и принцип антигегемонизма.

Пять принципов (*Панча Шила*) были сформулированы Чжоу Эньлаем и закрепились в Соглашении между КНР и Индией о торговле и сношениях между Тибетским регионом Китая и Индией 1954 г. Речь идет о следующих принципах: 1) взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, 2) взаимное ненападение (*non-aggression*), 3) взаимное невмешательство во внутренние дела, 4) равенство и взаимная выгода, 5) мирное сосуществование. В своем совместном заявлении премьер-министры Китая и Индии указали, что они должны применяться не только в Азии, но и в других частях света. В дальнейшем они были закреплены в ряде совместных заявлений (в том числе с СССР и США), договоров и резолюций и повлияли на содержание Бандунгской декларации 1955 г., Декларации о принципах 1970 г. и документов Нового международного экономического порядка.

По мнению Чэнь Тицяна, каждый из Пяти принципов существовал до этого и был придуман не КНР; беспрецедентным и крайне важным было их объединение в систему. В связи с этим они приобрели значение, отличающееся от значения принципов XIX в. Так, принцип уважения суверенитета отличается от принципа суверенитета, предоставлявшего сильным державам абсолютную свободу действий; в соответствии с ним нельзя посягать на территорию государства, каждый народ имеет право выбирать свою экономическую, социальную и политическую систему, угнетенные нации имеют право на освобождение. Слова «взаимное уважение» означают, что суверенитет всех государств должен уважаться, а суверенитет одного государства ограничен равным суверенитетом других (речь при этом не идет о доктрине «ограниченного суверенитета», предполагающей подчинение одних государств другим).

Принцип равенства, в свою очередь, требует не только формального равенства, но и равенства по существу. Иногда формальное равенство используется для прикрытия реального неравенства: формулировки договора содержат взаимные и одинаковые обязательства, но на самом деле преимущества получает более сильная сторона (пример – торговое соглашение между США и Гоминьданом 1946 г.). Вместе с тем реальное равенство иногда достигается за счет формального неравенства (например, НМЭП предполагает предоставление преференций развивающимся странам). В силу принципа равенства каждый член международной организации должен иметь один голос; наличие сразу трех голосов (намек на СССР) – совершенно неразумно.

По мнению Ван Тейи, дополняя принципы Устава ООН, Пять принципов «представляют собой первую попытку установить и развить принципы, на которых основаны международные отношения». Возникнув как принципы азиатской доктрины, они распространились на другие части света. Как и другие принципы, они являются не нормами, применимыми к конкретным делам, но абстракциями наивысшего уров-

¹ Yuan P. C. Op. cit. P. 16–17, 19–21; Chen Tiqiang. Op. cit. P. 23–29; Wang Tieya. Op. cit. P. 263–287; Zhipeng He, Lu Sun. A Chinese Theory of International Law. Singapore: Springer, 2020. P. 146–147.

ня, из которых вытекают все остальные нормы; они налагают общие обязательства и предоставляют критерии для других норм. Они, таким образом, образуют фундамент системы международного права. Некоторые авторы считают, что они не содержат ничего нового, но их провозглашение представляет собой важный вклад в развитие международного права: во-первых, впервые пять принципов были собраны в единую систему; во-вторых, они делают акцент на концепции взаимности, предполагающей ограниченный характер суверенитета; в-третьих, связав равенство и взаимную выгоду, они соединили юридическое и экономическое равенство и, таким образом, придали равенству содержательный, а не формальный характер. Данные принципы походят на *jus cogens*, но в отличие от последних применяются не только к договорам, но и к любым актам государства, и не развиваются на основе практики государств и судов, а прямо закреплены в Уставе ООН и других важных документах.

По мнению Чжипэн и Лу, приверженность Китая этим принципам связана с тремя обстоятельствами: во-первых, Китай хотел подать знак другим странам, боявшимся экспорта китайской революции; во-вторых, они отражают суть китайской философии, для которой самыми важными являются ценности мира и гармонии; в-третьих, они были разработаны под влиянием советской доктрины и, в частности, работ Тункина (СССР, однако, не использовал их на практике и не закреплял их в нормативных документах).

Десять принципов были сформулированы на Азиатско-африканской (Бандунгской) конференции, созванной по приглашению Бирмы, Цейлона, Индии, Индонезии и Пакистана (1955). Конференция стала важным шагом в борьбе с колониализмом, создании Движения неприсоединения и укреплении сотрудничества между развивающимися государствами. Помимо государств-инициаторов, в ней приняли участие 24 государства, в том числе КНР. Десять принципов рассматриваются китайской доктриной как следствие и развитие Пяти принципов.

Восемь принципов помощи Китая зарубежным странам были сформулированы Чжоу Энляем в его отчете о визите в 14 дружественных стран (1964). К ним относятся следующие принципы: 1) оказывать помощь в соответствии с принципом равенства и взаимной выгоды; 2) строго уважать суверенитет государства-получателя, не выдвигая никаких условий и не требуя особых привилегий; 3) предоставлять финансовую помощь по разумным процентным ставкам; 4) помогать государству-получателю на пути к самодостаточности и независимости, а не создавать зависимость от Китая; 5) осуществлять только те строительные проекты, которые требуют минимальных инвестиций, могут быть реализованы в кратчайшие сроки и позволят государству-получателю увеличить его доход; 6) гарантировать, что Китай будет поставлять оборудование и материалы высочайшего качества по мировым ценам; 7) гарантировать, что персонал государства-получателя приобретет необходимые навыки; 8) требовать, чтобы китайские специалисты получали только такое материальное обеспечение, которое получают специалисты государства-получателя; любые особые требования или льготы запрещены. Эти принципы беспрецедентны по своей щедрости и бескорыстию и являются конкретным выражением Пяти принципов. Их принятие Китаем продиктовано его приверженностью пролетарскому интернационализму. Чем быстрее развивающиеся страны достигнут экономической независимости, тем больше шансов сохранить мир во всем мире.

Принцип антигегемонизма был сформулирован Мао в статье «Памяти Сун Ятсена» (1956); по его словам, Китай намерен полностью устранить великодержавный шовинизм в китайской внешней политике и выступает против притеснения слабых наций сильными. Данный принцип был закреплен в Китайско-японском совместном коммюнике 1972 г., Китайско-японском договоре о мире и дружбе 1978 г., Коммюнике об установлении дипломатических отношений между США и КНР 1979 г. и в Китайской конституции 1978 г. (преамбула: «Наша страна никогда не будет стремиться к установлению гегемонии или к превращению в супердержаву»)¹. Данный принцип направлен против угрозы миру со стороны сверхдержав, в том числе СССР, который оккупировал Чехословакию в 1968 г., Афганистан в 1970 г., подстрекал Вьетнам к вторжению в Камбоджу и поставил Лаос под контроль Вьетнама.

¹ Конституционные акты Китая: хрестоматия / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский гос. пед. ун-т, 2014. С. 107.

Заключение

Накамура Хадзимэ выделяет такие свойства китайского мышления, как акцент на восприятии конкретного, неразвитость абстрактного мышления, почитание прошлого, пристрастие к сложной множественности (следует воспринимать разнообразие и не размышлять о всеобщей справедливости), практичность, уважение к иерархии, уважение к природе, примиряющие и гармонизирующие тенденции и др.¹ Все эти свойства проявляются и в китайских работах по международному праву. Особенности этих работ выглядят следующим образом.

1. *Лояльность по отношению к государству.* Китайские ученые редко критикуют свое правительство и, наоборот, стараются оправдать его действия при помощи правовых аргументов. В некоторых случаях они, однако, констатируют проблему, из чего можно предположить, что власти не уделили ей достаточно внимания (либо что данная проблема вызвана иными обстоятельствами). Они также проявляют осторожность при освещении острых политических вопросов, таких как отделение Монголии, статус Тибета и т. п.: данные вопросы освещаются лаконично и односторонне, их оценка внешними наблюдателями может квалифицироваться как вмешательство.

Такая лояльность часто объясняется *тоталитарным давлением*; она, однако, скорее связана с особым социальным статусом китайского ученого, никогда не претендовавшего на интеллектуальную независимость от государства и тем более на оппонирование ему. Любая системная оппозиция предполагает классовый антагонизм; китайская же интеллигенция никогда не образовывала отдельного класса, но всегда входила в правящий класс; важной частью карьеры ученого была сдача экзамена на доступ к госслужбе². Каналами для выхода критической энергии в китайском обществе выступали восстания, заговоры или закрытая дискуссия, но не академическая трибуна.

2. *Отсутствие претензий на оригинальность.* Китайские ученые редко формулируют новые закономерности, ограничиваясь изложением схоластического материала, комментированием инициатив правительства и описанием правовой материи, часто с использованием *длинных перечней* (договоров, принципов и т. д.). Наиболее важные «открытия» – концепции согласования воли, мирного сосуществования и т. д. – были заимствованы, по крайней мере частично, у советских авторов. Китайские ученые также не стремятся отвечать на вопросы, не имеющие однозначного решения, например о юридической силе договоров в правовой системе КНР.

Данная особенность связана и с особым социальным статусом китайского ученого. Конечно, он *должен* заниматься наукой; его главная цель, однако, состоит не в том, чтобы установить истину, а в том, чтобы дать совет своему правительству и помочь своему народу. Для этого не требуется оригинальность; более того, она может оказаться *вредной*. Другая причина – влияние конфуцианства с его ностальгией по прошлому: конфуцианский ученый, конечно, надеется на лучшее будущее, однако он исходит из того, что оно возможно только при условии следования старым образцам (а не при помощи изобретения новых).

3. *Отсутствие критики и публичной дискуссии.* Китайские ученые подчеркнута вежливы по отношению к коллегам и редко ставят под сомнение их точку зрения (что не мешает им формулировать свою, отличающуюся точку зрения). Данная сдержанность отчасти компенсируется нападками на оппонентов из стран Запада и СССР. В более

¹ Nakamura Hajime. *Ways of thinking of eastern peoples.* India. China. Tibet. Japan. Honolulu: University of Hawaii Press, 1964. P. 175–296.

² «Во времена империи литераторы почти всегда сдавали экзамены и поэтому были, как правило, классиками и консерваторами. Большинство великих достижений китайской литературы было создано в этих рамках принятия социального порядка и центральной власти. Ни монастырские святыни, ни столкновение сектантских верований, ни разделение между церковью и государством не могли, как в Европе, породить разнообразие. Ученость в основном оставалась в официальных руслах... В современную эпоху эта традиция привела к двум последствиям. Во-первых, китайские ученые XIX века медленно принимали иностранные идеи и начинали процесс реформ. Во-вторых, когда старый порядок все-таки рухнул, дух национализма был настолько силен, что и реформаторы, и контрреволюционеры среди интеллигенции были в основном преданы „спасению Китая“. Они по-прежнему ориентировались на государство. Эта ориентация имела свои противоречия, поскольку роль ученого-чиновника всегда была двойной: не только заботиться об императорском управлении, но и консультировать правителя, а в случае необходимости – спорить с ним о политике» (Fairbank J. K., Goldman M. *Op. cit.* P. 361).

общем плане можно говорить о *дефиците дискуссии*, т. е. свободного обсуждения двух и более точек зрения, с подробным анализом каждой из них и с подведением итогов. Те дискуссии, которые транслируются китайскими авторами, в основном носят политический, а не юридический характер.

Данный феномен можно объяснить следующим образом. Во-первых, будучи бюрократом, китайский ученый не стремится опровергать взгляды своих коллег; он может делать это только *ad hoc*, при принятии конкретного решения, но не на системной основе. Во-вторых, в конфуцианской культуре критика обращена *против субъекта* и угрожает социальной гармонии; в западной же культуре она обращена *на объект* (позволяет увидеть его с другой стороны и установить истину во всей ее полноте). В-третьих, любая критика возможна только в отношении акцентированной позиции; китайский же дискурс является довольно общим и осторожным (в нем трудно найти объект для критики).

4. *Структурированность доктрины*. Данная особенность проявляется в *гомогенности* научного дискурса, т. е. в использовании общих подходов и стиля, регулярном цитировании коллег, распространенности компедиумов и др.; в *иерархичности академических отношений*, т. е. в подчеркивании научной преемственности, особом характере отношений между учителем и учеником, зависимости между правом на самостоятельное мнение и научным статусом (признанные авторитеты могут позволить себе большую смелость); в *отказе от претензий на оригинальность* и в *отсутствии внутренних научных конфликтов* (дискуссий), о чем речь шла выше.

Эту особенность также можно объяснить особым статусом ученого, политической функцией правовой доктрины и закрытостью научной корпорации. Немалое значение имеет и сугубо китайский феномен *гуаньси*, который можно определить как систему неформальных связей, предполагающих заботу о репутации участников, бытовые ритуалы (подарки, совместные трапезы) и обязательства поддержки¹. Будучи перенесенным в академическую среду, *гуаньси* генерирует *научную солидарность*, являющуюся достоинством и недостатком одновременно, а в более широком плане – ориентирует на постоянное взаимодействие с коллегами.

5. *Неразвитость абстрактного мышления*. Такие категории, как «воля», «порядок» и т. п., воспринимаются китайской доктриной не как самостоятельные категории, а как атрибуты конкретной реальности, находящиеся в динамическом соотношении с другими атрибутами (классовыми интересами, историческими фактами и др.). Они не уточняются, не подвергаются тонким логическим манипуляциям (например, расчленению на элементы или анализу в вымышленном контексте), не используются как критерии систематизации, но в основном выполняют описательную функцию². Инструментализм китайской доктрины в связи с этим можно объяснить просто *вниманием к обстоятельствам*.

Причина – отсутствие метафизического восприятия, выделяющего физический и идеальный уровни реальности и развитого в Европе под влиянием греческой философии и христианства. Действительно, западный юрист видит право как совокупность абстрактных идей (*эйдосов*), которые обладают самостоятельным бытием, стоят *выше* общественных отношений и отвечают за их организацию (*логос*). Китайской культуре такое видение чуждо; главная причина, вероятно, состоит в *отсутствии в ней Бога* как структурирующего начала. Это не предполагает дефицит нормативности; просто эта нормативность – иного порядка: она вытекает из повторяемости истории, социального устройства, ощущения гармонии и решений меритократов. Именно эти феномены и являются *подлинными* источниками китайского права.

¹ Гуриева С. Д., Джимиев П. Р. Социально-психологический феномен «гуаньси» как регуляторная функция поддержания социального капитала группы современного китайского общества // Современные технологии управления. 2021. № 4; Луцкая Е. Е., Леонтьев С. В., Лю Вэй. Китайская система взаимоотношений «гуаньси» и ее влияние на деловую этику и организационное поведение // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 4. С. 282–295.

² Примером может служить использование концепции *rebus sic stantibus*: китайские авторы не пытаются разобрать ее на составные элементы (непредвидимость, непредотвратимость и т. д.) и применить каждый из них к договорам с участием Китая; вместо этого они просто констатируют изменения, произошедшие с их страной и миром. Аналогично при рассмотрении неравноправных договоров они не пытаются доказать, почему неравенство обязательств как таковое угрожает порядку или влечет за собой порок воли, вместо этого прибегая к моральным оценкам.

6. *Неразвитость юридического языка.* Китайские авторы редко тщательно работают с текстом нормы или используют западные техники толкования (телеологическое, эволютивное и пр.). Причина – особая структура китайского языка, которая ориентирует на использование иных средств толкования (например, направленных на установление значения *топика*¹) либо в принципе не предполагает устранения двусмысленности *in abstracto* (уточнение осуществляется в самом процессе предусмотренного в высказывании действия)². Как и в предыдущем случае, речь идет не о *неразвитости* китайского языка, а о *неприменимости* его структуры к текстам на европейских языках.

Китайским исследованиям в сфере международного права также свойственны стилистические особенности, характеризующие китайскую литературу в целом: *драматические метаморфозы* (трансформация Китая из нищей страны в сверхдержаву и т. п.); *парадоксы* (Китай является и не является частью третьего мира); *полутона и недосказанности*, отражающие реальность как она есть (пример – неполный анализ совместных заявлений у Ван Тейи)³; *метафоры*, выполняющие эвристическую, аргументационную и декоративную функции⁴; *длинные перечни*, отражающие преобразование количества в качество; *морализаторство* (альтернативная нормативность) и др.

7. *Узкая перспектива.* Китайская доктрина сосредоточена на самом Китае и мало интересуется другими странами. Сталкиваясь с необходимостью оценки проблем, имеющих место в других частях света, китайские авторы склонны анализировать их через призму китайского опыта, предлагая для их урегулирования решения, выработанные для Китая. В более широком плане речь идет о недостатке сравнительной перспективы, позволяющей определить место самого Китая в современном глобальном порядке. Возможно, именно поэтому работы западных авторов, посвященные китайскому праву, часто выглядят интересней и глубже, чем работы собственно китайских авторов.

Данная особенность объясняется отмеченным дефицитом метафизического восприятия (китайские авторы порой не замечают *начал*, объединяющих исторические и юридические факты), длительной культурной изоляцией и вытекающей отсюда *синоцентричностью*, определенной расстановкой политических и научных приоритетов («перед тем как приглашать гостей, необходимо убраться в доме»⁵), неразвитостью азиатского регионального порядка и часто – просто недостатком информации.

8. *Внешние влияния.* Китайская доктрина испытала влияние нескольких иностранных доктрин. Данный факт не опровергает тезиса о закрытости перспективы, но, наоборот, подтверждает его: широкая рецепция чужого опыта возможна лишь тогда, когда этот опыт длительное время отторгался.

Во-первых, еще в XIX в. на китайский язык был переведен классический труд Э. де Ваттеля. Его подход, основанный на сочетании рациональных и естественно-правовых идей, однако, к тому времени уже устарел.

Во-вторых, старшее поколение китайских ученых (Чжоу Гэншэн и др.) сформировалось под влиянием европейских реформаторов, стремящихся при помощи международного права объединить народы в одну большую семью.

¹ В *топиковых* языках предложения часто начинаются с темы («старой» информации) и заканчиваются комментарием («новой» информацией). См.: Li Ch. N., Thompson S. A. Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar. Berkeley: University of California Press, 1989. P. 15.

² Данная особенность проявляется и в законодательной технике. Например, ст. 8 Закона о внешних сношениях КНР 2023 г. гласит: «Любая организация или частное лицо, совершающие действия, наносящие ущерб национальным интересам Китая, в нарушение настоящего Закона и других применимых законов в ходе международных обменов, должны быть привлечены к ответственности по закону». Практически каждое существительное в этом предложении не является точным; значение данной нормы, таким образом, состоит не в регулировании отношений, а в создании топика, направляющего правоприменительную деятельность.

³ Данная особенность хорошо раскрыта в традиционной живописи *гохуа*, где наряду с четко прорисованными контурами присутствуют размытые объекты и пустые пространства.

⁴ Пример: «...Китай невежественно появился на мировой арене, не имея базового представления о Западе, и беспомощно смирился с тем, что он – рыба или мясо, а другие – нож или разделочная доска» (Zhipeng He, Lu Sun. Op. cit. P. 101).

⁵ Xue Hanqin. Chinese Perspectives on International Law: History, Culture and International Law // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 355. 2012. P. 26.

В-третьих, фундаментом китайской доктрины стали концепции, разработанные советскими учеными; некоторые из них были впоследствии скорректированы (идея мирного сосуществования и др.).

В-четвертых, поскольку советская доктрина во многом опиралась на идеи немецких позитивистов XIX в. (Г. Трипеля и др.), китайская доктрина также заимствовала их (через «вторые руки»).

В-пятых, китайская доктрина испытала значительное влияние англосаксонской доктрины (факт, который часто недооценивается). Еще в XIX в. на китайский язык был переведен курс Г. Уитона. В 20–30-х гг. XX в. многие молодые ученые получили образование в Великобритании и США (их опыт повторяют современные ученые). В 50-х гг. на китайский были переведены работы Л. Оппенгейма, Э. Сатоу («Руководство по дипломатической практике»), А. Хиггинс («Международное морское право») и др. Как ни странно, английский и китайский подходы имеют некоторое сходство, состоящее в недоверии к метафизике: китайским ученым в связи с этим более понятны доводы английских авторов, основанные на анализе отношений, чем абстрактные построения немецких и советских юристов. Есть и важное отличие: английская доктрина не стремится к гармонии, но, наоборот, презюмирует конфликт интересов, делая его отправной точкой для построения аргументации.

В целом китайская доктрина международного права выглядит уникальным и интересным артефактом. С одной стороны, она воспроизводит многие западные идеи; с другой стороны, она содержит элементы традиционной китайской культуры. Вопрос о перспективах ее развития и ее возможном влиянии на глобальный порядок в связи с этим остается открытым.

Список литературы

Галенович Ю. М. Россия в «китайском зеркале». Трактровка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений. М.: Восточная книга, 2011. 416 с.

Гуриева С. Д., Джимиев П. Р. Социально-психологический феномен «гуаньси» как регуляторная функция поддержания социального капитала группы современного китайского общества // Современные технологии управления. 2021. № 4.

История дипломатии / под ред. А. А. Громыко: в 5 т. Т. 5. Кн. 2. М.: ИПЛ, 1979. 766 с.

Конституционные акты Китая: хрестоматия / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский гос. пед. ун-т, 2014. 190 с.

Кудашев Р. Ш. Записки переводчика СССР и КНР // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 136–144.

Луцкая Е. Е., Леонтьев С. В., Лю Вэй. Китайская система взаимоотношений «гуаньси» и ее влияние на деловую этику и организационное поведение // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 4. С. 282–295.

Толмачев Ю. О. Китайско-индийский пограничный конфликт в 1962 году // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2016. № 2. С. 72–81.

Чжун Ж. Индо-Китайская война 1962 г. и послевоенное урегулирование // Национальная безопасность. 2014. № 5. С. 739–759.

Anghie A. The Evolution of International Law: Colonial and Postcolonial Realities // Third World Quarterly. 2006. Vol. 27. No. 5. P. 739–753.

Björn Ahl. Die Anwendung völkerrechtlicher Verträge in China // Beiträge zum ausländischen öffentlichen Recht und Völkerrecht. Band 207. 2009. P. 383–395.

Carrai M. A. Sovereignty in China. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 298 p.

Chen Tiqiang. The People's Republic of China and Public International Law // Dalhousie Law Journal. 1984. Vol. 8. No. 1. P. 8–31.

Chesterman S. Asia's Ambivalence about International Law and Institutions: Past, Present and Futures // European Journal of International Law. 2017. Vol. 27. No. 4. P. 945–978.

Fairbank J. K., Goldman M. China: a New History. Harvard: Belknap Press, 2006. 560 p.

Fry J. D., Huang Yining. The Semisecret Life of Late Mao-Era International Law Scholarship // Pace Law Review. 2019. Vol. 39. No. 2. P. 991–1057.

Goldstein L. J. Return to Zhenbao Island: Who Started Shooting and Why it Matters // China Quarterly. 2001. No. 168. P. 985–997.

Hoffheimer D. J. China and the International Legal Order: An Historical Introduction // Case Western Reserve Journal of International Law. 1979. Vol. 11. P. 251–266.

Hungdah Chiu. Chinese Attitudes toward International Law in the Post-Mao Era, 1978–1987 // International Lawyer. 1987. Vol. 21. No. 4. P. 1127–1166.

Hungdah Chiu. Chinese Views on Sources of International Law // Harvard International Law Journal. 1987. Vol. 28. No. 2. P. 289–307.

Ji Li. The Evolving Rule of Law with Chinese Characteristics and Its Impacts on the International Legal Order // *UC Irvine Journal of International, Transnational and Comparative Law*. 2023. No. 8. P. 151–173.

Li Ch. N., Thompson S. A. *Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar*. Berkeley: University of California Press, 1989. 691 p.

Nakamura Hajime. *Ways of thinking of eastern peoples. India. China. Tibet. Japan*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1964. 712 p.

Wang Tiewa. *International Law in China: Historical and Contemporary Perspectives* // *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. Vol. 221. 1990. P. 199–369.

Xue Hanqin. *Chinese Perspectives on International Law: History, Culture and International Law* // *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. Vol. 355. 2012. P. 41–234.

Yuan P. C. *China's Challenge to Traditional International Law: An Exposition and Analysis of Chinese Views and Behaviour in International Law and Politics* // *Dalhousie Law Journal*. 1987. Vol. 10. No. 3. P. 9–42.

Zewei Yang. *The People's Republic of China and the Development of Contemporary International Law: Review and Prospects* // *Journal of East Asia and International Law*. 2020. Vol. 13. No. 2. P. 337–358.

Zhipeng He, Lu Sun. *A Chinese Theory of International Law*. Singapore: Springer, 2020. P. 177–187.

References

Anghie A. (2006) *The Evolution of International Law: Colonial and Postcolonial Realities*. In *Third World Quarterly*, vol. 27, no. 5, pp. 739–753.

Björn Ahl (2009) *Die Anwendung völkerrechtlicher Verträge in China*. In *Beiträge zum ausländischen öffentlichen Recht und Völkerrecht*, Band 207, pp. 383–395.

Carrai M. A. (2019) *Sovereignty in China*. Cambridge, Cambridge University Press, 298 p.

Chen Tiquang (1984) *The People's Republic of China and Public International Law*. In *Dalhousie Law Journal*, vol. 8, no. 1, pp. 8–31.

Chesterman S. (2017) *Asia's Ambivalence about International Law and Institutions: Past, Present and Futures*. In *European Journal of International Law*, vol. 27, no. 4, pp. 945–978.

Chzhun Zh. (2014) *Indo-Kitaiskaya voyna 1962 g. i poslevoennoe uregulirovanie* [The Indo-China War of 1962 and the post-war settlement]. In *Natsional'naya bezopasnost'*, no. 5, pp. 739–759.

Fairbank J. K., Goldman M. (2006) *China: a New History*. Harvard, Belknap Press, 560 p.

Fry J. D., Huang Yining (2019) *The Semisecret Life of Late Mao-Era International Law Scholarship*. In *Pace Law Review*, vol. 39, no. 2, pp. 991–1057.

Galenovich Yu. M. (2011) *Rossiya v «kitaiskom zerkale». Traktovka v KNR v nachale XXI veka istorii Rossii i russko-kitaiskikh otnoshenii* [Russia in the «Chinese mirror». Interpretation of Russian History and Russian-Chinese Relations in China at the Beginning of the XXI century]. Moscow, Vostochnaja kniga, 416 p.

Goldstein L. J. (2001) *Return to Zhenbao Island: Who Started Shooting and Why it Matters*. In *China Quarterly*, no. 168, pp. 985–997.

Gromyko A. A. (Ed.) (1979) *Istoriya diplomatii: v 5 t. T. 5. Kn. 2* [History of diplomacy: in 5 volumes. Vol. 5. Book 2]. Moscow, IPL, 766 p.

Gurieva S. D., Dzhimiev P. R. (2021) *Sotsial'no-psikhologicheskii fenomen «guan'si» kak regul'yatornaya funktsiya podderzhaniya sotsial'nogo kapitala gruppy sovremennogo kitaiskogo obshchestva* [The socio-psychological phenomenon of «guanxi» as a regulatory function of maintaining the social capital of a group of modern Chinese society]. In *Sovremennye tekhnologii upravleniya*, no. 4.

Hoffheimer D. J. (1979) *China and the International Legal Order: An Historical Introduction*. In *Case Western Reserve Journal of International Law*, vol. 11, pp. 251–266.

Hungdah Chiu (1987) *Chinese Attitudes toward International Law in the Post-Mao Era, 1978–1987*. In *International Lawyer*, vol. 21, no. 4, pp. 1127–1166.

Hungdah Chiu (1987) *Chinese Views on Sources of International Law*. In *Harvard International Law Journal*, vol. 28, no. 2, pp. 289–307.

Ji Li (2023) *The Evolving Rule of Law with Chinese Characteristics and Its Impacts on the International Legal Order*. In *UC Irvine Journal of International, Transnational and Comparative Law*, no. 8, pp. 151–173.

Kuznetsov D. V. (Ed.) (2014) *Konstitutsionnye akty Kitaya: khrestomatiya* [Constitutional Acts of China: textbook]. Blagoveshensk, Blagoveshchenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 190 p.

Kudashev R. Sh. (2002) *Zapiski perevodchika SSSR i KNR* [Notes of a translator of the USSR and the PRC]. In *Voprosy istorii*, no. 12, pp. 136–144.

Li Ch. N., Thompson S. A. (1989) *Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar*. Berkeley, University of California Press, 691 p.

Luts'kaya E. E., Leont'ev S. V., Lyu Vei (2017) *Kitaiskaya sistema vzaimootnoshenii «guan'si» i ee vliyaniye na delovuyu etiku i organizatsionnoye povedeniye* [China's guanxi relationship system and

its impact on business ethics and organisational behaviour]. In *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, no. 4, pp. 282–295.

Nakamura Hajime (1964) *Ways of thinking of eastern peoples. India. China. Tibet. Japan*. Honolulu, University of Hawaii Press, 712 p.

Tolmachev Yu. O. (2016) *Kitaisko-indiiskii pogranichnyi konflikt v 1962 godu* [Sino-Indian border conflict in 1962]. In *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina*, no. 2, pp. 72–81.

Wang Tiewa (1990) *International Law in China: Historical and Contemporary Perspectives*. In *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, vol. 221, pp. 199–369.

Xue Hanqin (2012) *Chinese Perspectives on International Law: History, Culture and International Law*. In *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, vol. 355, pp. 41–234.

Yuan P. C. (1987) *China's Challenge to Traditional International Law: An Exposition and Analysis of Chinese Views and Behaviour in International Law and Politics*. In *Dalhousie Law Journal*, vol. 10, no. 3, pp. 9–42.

Zewei Yang (2020) *The People's Republic of China and the Development of Contemporary International Law: Review and Prospects*. In *Journal of East Asia and International Law*, vol. 13, no. 2, pp. 337–358.

Zhipeng He, Lu Sun (2020) *A Chinese Theory of International Law*. Singapore, Springer, pp. 177–187.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.11.2024

Дата принятия рукописи в печать: 25.03.2025